

*Книга посвящается
моему отцу*

АРАХНОФОБИЯ

Арахнофобия. Одно из тех слов, что звучат так же мерзко, как и то, что они означают. Жесткое «рах» во втором слоге, оно как будто наглядно рисует жуткие изгибы мохнатых паучьих лап. Мягкое «фо», как противная волна тошноты, пробегающая в желудке при внезапном движении по стене или полу. Громкое «но» в самой середине слова, звук вашего мозга, кричащего от омерзения.

Таллула страдает арахнофобией.

Таллула в темноте.

Часть первая

Июнь 2017 года

Ребенок начинает хныкать. Ким все так же неподвижно сидит в кресле и задерживает дыхание. У нее ушел почти весь вечер на то, чтобы уложить малыша спать. Сегодня пятница, знойный вечер середины лета, и обычно в это время она бы зависала где-нибудь с друзьями. Одиннадцать часов: она сидела бы в пабе с последней кружкой пива, перед тем как пойти домой. Но сегодня она в спортивных штанах-джоггерах и футболке. Темные волосы собраны в пучок, контактные линзы сняты, на носу очки, а на кофейном столике стакан теплого вина, который она налила себе раньше, но так и не успела выпить.

Она пультом уменьшает на телевизоре громкость и снова прислушивается. Да, это они, самые ранние признаки плача, этакое сухое зловещее кряхтение.

Ким никогда особо не любила младенцев. Нет, ей нравились ее собственные дети, но их ранние годы стали слишком жестоким испытанием для ее нервов. С той самой первой ночи, когда оба ее ребенка, не пробуждаясь, спали до утра, Ким очень высоко – возможно, чересчур высоко – ценила непрерывный сон. Обоих своих детей она родила молодой, и у нее было достаточно времени и места в сердце для еще одного или двух. Но

перспектива бессонных ночей поставила на них жирный крест. Все эти годы она всячески оберегала свой сон — с помощью масок для глаз, берушей, спреев для подушек и огромных ванн с мелатонином, которые подруга привозила для нее из Штатов.

А потом, чуть более года назад, ее дочь-подросток, Таллула, родила ребенка.

И вот теперь в свои тридцать девять лет Ким уже бабушка, и в ее доме вновь появился плачущий ребенок, появился слишком скоро, чересчур скоро после того, как ее собственные дети перестали плакать по ночам. И хотя это произошло лет за десять до того, как она была бы к этому готова, рождение внука стало благословением, ежедневным благословением.

Его зовут Ной, и у него темные волосики, как и у самой Ким, как и у обоих ее детей. (Ким всегда нравились только дети с темными волосами; светловолосые младенцы ее пугают.) Цвет его глаз в зависимости от освещения колеблется между ореховым и янтарным; у него крепкие ножки и крепкие ручки с пухлыми валиками жирка на запястьях. Он улыбочив и смешлив, и он радостно развлекает себя сам, иногда целых полчаса подряд. Когда Таллула уезжает в колледж, Ким присматривает за ним и порой впадает в панику, внезапно осознав, что в течение нескольких минут не слышит от него ни звука. Тогда она бросается к его стульчику, к качелькам или к углу дивана, чтобы проверить, жив ли он, и обычно находит его в глубокой задумчивости, пока он переворачивает страницы матерчатой книжки.

Ной — замечательный ребенок. Но он не любит спать, и Ким это слегка раздражает. В настоящее время Таллула и Ной живут здесь, у Ким, вместе с отцом Ноя, Заком. Ной спит между ними на двуспальной кровати Таллулы, а Ким надевает беруши и воспроизводит

НОЧЬ, КОГДА ОНА ИСЧЕЗЛА

//////////

на своем смартфоне какой-нибудь белый шум и обычно избавляет себя от ночной какофонии бессонницы Ноя.

Но сегодня Зак пригласил Таллулу на то, что он назвал «свиданием», что, согласитесь, звучит довольно старомодно для пары девятнадцатилетних подростков. Они пошли в тот самый паб, в котором она сама сидела бы сегодня вечером. Когда они уходили, Ким сунула Заку двадцатифунтовую купюру и велела им от души повеселиться. С тех пор как родился Ной, это первый раз, когда они ушли из дома вместе как пара.

Они расстались, когда Таллула была беременна, и вновь сошлись около полугода назад, когда Зак пообещал стать лучшим отцом на свете. И до сих пор он держит свое слово.

Теперь Ной плачет по-настоящему. Ким вздыхает и встает. При этом ее телефон гудит — пришло текстовое сообщение. Она нажимает на экран и читает.

Мам, тут народ из колледжа, они пригласили нас к себе. Всего на часик или около того. Ты не против? 😊

Затем, пока она печатает ответ, сразу же следует новое сообщение.

Как там Ной?

Ной в порядке, набирает она. Золото, а не ребенок. Иди и повеселись. Можешь не торопиться. Люблю тебя.

Ким идет наверх, к кровати Ноя. Ей становится тяжело на сердце при мысли о том, что ей еще час качать его, успокаивать, вздыхать и шептать в темноте, пока луна висит там, в теплом летнем небе, на котором все еще заметны бледные пятна дневного света, пока дом скрипит пустотой, а другие люди сидят в пабах.

Но когда она подходит к внуку, лунный свет ловит изгиб его щеки, и она видит, как его глаза вспыхивают при виде нее. Она слышит, как у него перехватывает

дыхание оттого, что кто-то подошел к нему; видит, как он тянет к ней ручки.

Она берет его на руки, прижимает к груди и воркует:

– Что не так, маленький, что не так? – И ее сердце внезапно расширяется и вновь сжимается от осознания того, что этот мальчик – часть нее и что он ее любит, что он не ищет свою мать, а доволен тем, что бабушка подошла к нему в темноте ночи, чтобы его успокоить.

Она несет Ноя в гостиную и усаживает к себе на колени.

Она дает ему поиграть с пультом. Малыш обожает нажимать кнопки, но Ким видит, что он слишком устал и хочет спать. Она чувствует на себе его тяжесть и понимает, что должна положить его обратно в кровать, обеспечить ему крепкий сон, хорошие привычки и все такое прочее, но теперь она тоже устала, ее веки отяжелели, стали свинцовыми. Она просто натягивает покрывало с дивана себе на колени, поправляет подушку за головой, и они с Ноем тихо погружаются в мирный сон.

Через несколько часов Ким внезапно просыпается. Короткая летняя ночь почти закончилась, и небо за окном гостиной переливается первыми лучами жаркого утреннего солнца. Она выпрямляет затекшую шею, и все мышцы тотчас как будто кричат на нее. Ной все еще крепко спит, и она осторожно сдвигает его, чтобы дотянуться до телефона. Сейчас четыре двадцать утра.

Ким чувствует легкий приступ раздражения. Она знает, что разрешила Таллуле не торопиться домой, но это безумие. Она набирает номер Таллулы. Звонок тотчас идет на голосовую почту, поэтому она набирает номер Зака. И вновь звонок переадресован на голосовую почту.

Что, если, думает она, они пришли ночью и, увидев Ноя спящим на ней, решили ее не будить, а устроиться в постели вдвоем? Она представляет, как они смотрят

НОЧЬ, КОГДА ОНА ИСЧЕЗЛА

//////////

на нее из-за двери в гостиную, как снимают обувь, как поднимаются на цыпочках по лестнице и, обнимаясь и обмениваясь игривыми пьяными поцелуями, прыгают в пустую кровать.

Прижимая Ноя к себе, Ким медленно и осторожно встает с дивана. Она поднимается по лестнице и идет к двери комнаты Таллулы. Та распахнута настежь, какой она оставила ее в одиннадцать вечера накануне, когда пришла забрать Ноя. Она осторожно опускает мальчика в кроватку, и он каким-то чудом не шевелится. Затем она садится на край кровати Таллулы и снова звонит дочери.

И вновь звонок отправляется прямо на голосовую почту. Она звонит Заку. То же самое. Она продолжает эту игру в пинг-понг еще час. Солнце уже полностью встало. Сейчас утро, но звонить кому-то еще рано. И Ким делает себе кофе и отрезает кусок фермерского хлеба, который всегда покупает для Таллулы на выходные. Она ест хлеб с маслом и медом, купленным у пчеловода, который продает его из своей парадной двери, и ждет. Ждет начала дня.

- 2 -

Август 2018 года

— Мистер Грей! Добро пожаловать!

Софи видит седовласого мужчину. Он идет к ним по обшитому деревянными панелями коридору. Их все еще разделяют десять футов, но он уже протягивает руку.

Подойдя к Шону, он тепло берет его руку в обе свои, как будто Шон маленький ребенок, у которого замерзли руки, и он хочет их ему согреть.

Затем он поворачивается к Софи.